

Реакция Цзян Цзяньяо оказалась ровно такой, какой её и представлял Руань И, но видеть это сливочно-надменное лицо перед собой все равно было смешно.

Руань И кивнул:

— Ага, только на это у меня и хватает. Будешь?

Цзян Цзяньяо пристально вглядывался в него добрых секунд десять, после чего отодвинул пластиковый стул и сел.

Руань И набрал добрую дюжину позиций на свой вкус и уточнил:

— Добавишь что-нибудь?

— Обойдусь, — едва заметно искривил губы Цзян Цзяньяо.

Руань И захлопнул меню и попросил две бутылки пива: одну подвинул гостю, вторую оставил себе.

Цзян Цзяньяо быстро взял себя в руки. Уж через пару минут на его лице не осталось и следа недоумения — возвратилась привычная безупречная маска. Он даже с невозмутимым видом поднял дешманскую бутылку за пять юаней и чокнулся с Руань И:

— Спасибо.

Хозяин заведения сработал оперативно: на столе быстро выросла горка из пяти-шести тарелок. Шкворчащие в алом масле шашлычки, запеченные крылышки, утиные потрошка, хрящики и щупальца кальмаров исходили густым, пряным ароматом, от которого мгновенно разыгрывался зверский аппетит.

Руань И принялся за еду, и Цзян Цзяньяо от него не отставал. В их возрасте аппетит у парней отличный, так что от горы жареного мяса в считанные минуты осталась едва половина. Впрочем, насколько резво они работали палочками, настолько же упорно молчали — за весь ужин едва перекинулись парой фраз.

Уличные шашлычные держатся на шуме и веселье. За соседними столиками хохотали, во все горло травили байки, громко чокались бокалами, и на этом фоне их молчаливый дуэт выглядел дико. Нелепая атмосфера привлекла внимание владельца: разнося заказы, он пару раз нарочито задерживался возле их стола. Официанты тоже бросали на них любопытствующие взгляды и шептались по углам. С одной стороны, разглядывали двух редких красавчиков, с другой — гадали, не собрались ли те подраться, потому что молча уничтожать шашлыки с такими мрачными минами обычно не приходят.

Расправившись с едой, Цзян Цзяньяо вытер губы салфеткой:

— По поводу этой истории. Брат Чэнь сам светиться не стал, так что ты тоже не проболтайся. С его положением лишняя огласка ни к чему — чем меньше его имя всплывает на публике, тем лучше.

Руань И отпил пива, проигнорировав выпад.

— И еще кое-что, скажу сразу, чтоб два раза не вставать. — Цзян Цзяньяо качнул бутылку. На дне оставалось несколько глотков. Допив пиво одним махом, он поставил её на стол, сцепил пальцы в замок и вальяжно откинулся на спинку стула, вернув себе привычный высокомерно-небрежный вид. — Не знаю, насколько хорошо ты знаешь Брата Чэня, но давай я тебя предостерегу. Его чувство собственности... мягко говоря, гипертрофированное. Куда сильнее, чем у обычных людей.

Эта черта была у него отчасти врожденной, отчасти возвращенной окружением. Лу Бинчэню с пеленок уготована судьба главы семьи Лу. Обычный человек может отступить, смириться с утратой или позволить кому-то посягнуть на свое, но только не он. Он обязан держать всё под полным контролем. Никто не смеет протягивать руки к тому, что принадлежит ему, никто не смеет даже заглядываться на его собственность.

—...Так что держись подальше от Линь Хэлая и от всех остальных. Если по-настоящему взбесишь Брата Чэня, пожалеешь об этом только ты сам.

Руань И помнил: в прошлой жизни Цзян Цзяньяо произносил почти те же самые слова.

Тогда он не придавал им значения. Но сейчас, пройдя через гибель и перерождение, он почувствовал, как в груди вспыхнуло глухое, едкое раздражение — будто кто-то бесцеремонно надавил на незажившую рану.

— Ты, похоже, сильно ошибаешься насчет моих отношений с Лу Бинчэнем, — чеканя каждое слово, произнес Руань И. — Если бы мы встречались, я бы считался с его чувствами. И не потому, что боялся бы его, а потому, что любил бы и не хотел расстраивать. Но у нас с ним ничего подобного нет. И никогда не будет.

Он на секунду задержал взгляд на собеседнике:

— Так что побереги эти наставления для кого-нибудь другого.

Поднявшись, Руань И пошел к стойке расплатиться.

Возле высокого платана возвышался уличный фонарь. Его холодный белый свет пробивался сквозь пышную крону, окрашивая листья в сочный, почти ядовитый изумруд. Руань И замер

под деревом; пятна света скользили по его ладоням, делая кончики пальцев словно хрустальными.

Цзян Цзяньяо изгибом брови проводил его силуэт.

Он давно догадывался, что Брат Чэнь равнодушен к этому парню. При первой же встрече реакция Лу Бинчэня была крайне странной, да и впредь всё, что касалось Руань И, заставляло его терять привычную холодность. Хотя Брат Чэнь так прямо и не признался друзьям, кого заприметил, прошлый расспрос насчет «парень или девушка» дал ответы на половину вопросов, а вчерашний звонок с просьбой надавить от имени семьи Цзян на этого задиру Чжана окончательно расставил точки над «i».

Тайным увлечением Брата Чэня был Руань И. На сто процентов.

Вот только Цзян Цзяньяо искренне не понимал — почему.

Из-за яркой внешности? Вокруг наследника семьи Лу всегда крутились толпы красавцев и красавиц. Ресурсы семьи Лу гарантировали избыток любого внимания. Поэтому сегодня Цзян Цзяньяо и вытащил Руань И на ужин — просто из чистого любопытства.

И теперь кое-что прояснялось. В этом парне чувствовалась... как бы это выразить? Некая дикая, ни перед чем не пасующая гордость. Он ни во что не ставил авторитеты. Это и впрямь цепляло.

Но не более того.

Дети часто бывают дерзкими просто по неведению — бунтуют, пока не сталкиваются с реальным миром. Но в глазах Цзян Цзяньяо это называлось глупостью.

Цзян Цзяньяо чуть приподнял подбородок, усмехнувшись:

— Ты ведь и сам понимаешь, что я прав.

Руань И одарил его ледяным взглядом и, не сказав больше ни слова, ушел.

Следующие пару дней обстановка в классе заметно изменилась.

Учитель Чжэн разбирался с травлей Линь Хэлая без лишнего шума. Руань И не знал деталей, но внешне всё выглядело гладко: уроки шли своим чередом, одноклассники шутили и болтали,

вот только заводилы, раньше притеснявшие Хэлая сильнее всех, неожиданно притихли и вели себя тише воды, ниже травы.

Во второй половине недели на третьем уроке устроили генеральную уборку. Правило простое: закончил работу — свободен. Руань И досталось мытье полов в коридоре. Сдав участок санитару класса, он направился на стадион подышать воздухом.

На футбольном поле только-только подстригли газон, и в свежем воздухе разливался приятный, чуть терпкий аромат скошенной травы.

Руань И пошел трусцой по беговой дорожке. На втором круге рядом с ним молча пристроился Линь Хэлай.

Пробежав еще немного и заметив, как тот колеблется, Руань И спросил:

— Случилось что-то?

— Нет, я просто... хотел поговорить.

— Давай, — кивнул Руань И. — О чем?

Линь Хэлай смутился еще сильнее, буквально не зная, куда девать глаза. Похоже, разговор намечался не из легких. Руань И перешел на шаг и, не торопя парня, пошел рядом по кругу.

Спустя минуту Линь Хэлай тихо произнес:

— Они... рассказывали мне про твое детство.

Кого он имел в виду под «они», уточнять не требовалось.

Руань И лишь отстраненно качнул головой, давая понять, что слушает.

— Говорили, тебя тоже раньше изгойствовали...

Когда Вэнь Цзыхао пересказывал это, он смаковал самые мелкие подробности.

Это было еще в начальной школе. Жестокая детская фантазия в таких вещах расцветает пышным цветом: соседские мальчишки выдумали байку, будто от разговора с Руань И можно заразиться «болезнью ублюдка». Со временем история обросла новыми деталями: мол, достаточно просто подойти к нему слишком близко. Вскоре эта глупая сплетня проникла и в школу.

Три года Руань И сидел на самой последней парте в полном одиночестве.

Потом Вторая тётя, узнав об этом, перевела его в другое учебное заведение. Но слухи, обросшие еще более дикими подробностями, вскоре нагнали его и там — только теперь это были не детские сказки про «заразу», а грязные сплетни про его родителей.

Лишь когда он подрос, вытянулся, стал получать отличные оценки, а его внешность расцвела, шепотки за спиной постепенно сошли на нет.

Руань И сто лет не вспоминал то время. Если бы не Линь Хэлай, эта история так и осталась бы погребенной в прошлом.

Он едва заметно улыбнулся:

— И что с того?

Возможно, этот спокойный, почти равнодушный вид придал Линь Хэлаю храбрости, и тот выплеснул то, что крутилось в голове:

— Руань И, почему ты помогаешь мне?

Спросил — и сам замер, густо покраснев до самых кончиков ушей.

Они как раз проходили мимо школьного ларька. Руань И зашел внутрь и вернулся с двумя рожками мороженого. Вручив ванильное Хэлаю, он распаковал свое и, сделав пару глотков прохладной сладости, не удержался от смешка.

Линь Хэлай застыл, не зная, куда деваться от неловкости.

— Пожалел, что ляпнул? — ухмыльнулся Руань И.

Линь Хэлай сжимал вафельный рожок, его уши горели пунцовым пламенем. Руань И расправился со своим мороженым и, видя, что приятель так и стоит истуканом, сам снял защитный колпачок с его рожка и поднес к его губам:

— Твоя порция сейчас потечет. Слижи каплю.

Линь Хэлай тербил край формы и, уткнувшись взглядом в землю, послушно слизнул капли. Нежная ванильная сладость растаяла на языке.

Ему было до смерти стыдно поднять глаза.

Дай ему кто второй шанс — он бы ни за что не задал этот глупый вопрос. В интернете пишут, что люди, пережившие травлю в детстве, иногда помогают другим жертвам, чтобы залечить собственные психологические раны и компенсировать прошлую боль. Хэлай сам не знал, почему эта мысль так въелась ему в душу.

Но спрашивать об этом вслух было верхом бестактности — словно он обесценивал искренность Руань И.

Линь Хэлай поджал губы, намереваясь объясниться, но Руань И опередил его:

— Извиниться хочешь?

Тот опешил и кивнул.

— Обидно — плачь, больно — вымещай эмоции, не понимаешь чего-то — спрашивай напрямую, — мягко проговорил Руань И. — Это абсолютно нормально. За что тут извиняться?

Он и так был выше Хэлая, а теперь стоял ступеней выше на крыльце ларька. Его серьезный, устремленный сверху вниз взгляд завораживал. Линь Хэлай порывался отвести взор, но сжал кулаки и заставил себя смотреть прямо.

— Я помогаю тебе не для того, чтобы залечить свои старые болячки или найти в твоей благодарности утешение, — глядя ему прямо в глаза, честно выделил Руань И.

Его взгляд был настолько чистым и пронзительным, будто насквозь видел душу собеседника.

Помолчав, Линь Хэлай едва слышно прошептал:

— А тебе... не становится тошно от людей? Пройти через такое самому, а потом видеть, как то же самое делают с другими...

— Нет, — спокойным тоном ответил Руань И.

— Почему?

— Все мы просто люди, — не спеша объяснил Руань И. — А человеческая природа по сути своей сложна. Никто не рождается абсолютно добрым или абсолютно злым, светлым или порочным. Человек способен искренне любить, восхищаться, беречь и защищать, но ровно так же он способен ненавидеть, завидовать, испытывать злобу и искать поводы причинить боль. Это... обычная человеческая натура.

Он сделал небольшую паузу и добавил:

— Но то, кем ты в итоге станешь, зависит только от твоего собственного выбора. И выбор этот — не однократное решение, а долгий путь сомнений и метаний. Я сам проходил через это и видел, как оступаются другие. Но эти наблюдения не разочаровывают меня — они делают меня только сильнее и тверже в моих собственных убеждениях.

Линь Хэлай снизу вверх смотрел на него.

Багрово-золотой закат разливался по безоблачному небосводу, заливая горизонт ослепительным пламенем. Солнечные лучи ласкали силуэт Руань И, превращая его в живое воплощение ярчайшего мазка на живописном полотне природы.

Этот образ мгновенно впечатался Линь Хэлаю прямо в сердце. В груди сладко и больно сжалось, дыхание перехватило от бешеного ритма пульса.

— Руань И... можно мне... можно тебя обнять? — несмело пробормотал он.

— Да без проблем, — легко отозвался тот.

Руань И спрыгнул со ступеньки, подошел ближе и раскинул руки для дружеского объятия.

Линь Хэлай был немного ниже ростом, поэтому уткнулся подбородком ему в плечо. Он осторожно прижал к себе Руань И, но едва его ладони коснулись чужой спины, как за воротник его формы мертвой хваткой вцепилась тяжелая рука и с бешеной силой рванула назад.

Линь Хэлай отлетел на несколько шагов, едва удерживая равновесие.

Задышавшись от испуга, он обернулся.

Перед ним стоял Лу Бинчэнь. Его лицо было искажено такой леденящей, дышащей преисподней яростью, от которой стыла кровь.

<http://bllate.org/book/20540/2151758>